

22. Мермерой же, придя в Хитрополию, много упрекал своих за трусость и неповиновение и решил не двигаться дальше и не нападать на Остров. Ибо он не мог доставить ни продовольствия такому войску в средину враждебной страны, ни к осаде не был подготовлен. Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис к тамошнему бездорожью, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фазиса и, создав подобие моста, перевел все войско без всякой помехи. Он поместил персов в укреплении Оногурий, которое он раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котасий и Мухирисий.⁸ Пораженный болезнью и находясь в тяжелом положении, большую и сильнейшую часть своего войска он оставил там для охраны территории, сам же удалился в страну, называемую Иверией. С трудом доставленный в город, называемый Месхита, Мермерой, не будучи в силах перенести тяжести болезни, здесь действительно умер. Это был человек величайшей рассудительности, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но труды переносил как сильнейший юноша и не отказывался ни от каких подвигов, но появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед. Таким образом, полководческий дар зиждется не на силе тела, а на благоразумии. Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя его близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами.

Книга III

2. В двадцать пятом году царствования Хозроя, когда война велась в области Колхиды и Мермерой умер, императору Юстиниану пошел 29-й год его правления римлянами. Когда Хозрою было сообщено о смерти Мермероя, он, естественно, был очень опечален и обеспокоен этим несчастьем. А чтобы войско в Лазике не оставалось без вождя, он тотчас поставил во главе его Нахогарана, одного из самых знаменитых и знатных своих людей.

Когда тот, приготовив все необходимое, направился в путь, в Колхиде произошло удивительное и постыдное событие. После того как римляне, охваченные постыднейшим бегством, как об этом выше было сказано, оставили даже часть своего обоза на разграбление врагам, Губаз, царь лазов, считая, что нельзя переносить такой позор и боясь, чтобы в будущем не произошло чего-нибудь еще более преступного, тотчас оповестил обо всем Юстиниана, обвиняя военачальников, возлагая всю вину на их глупость, в особенности обвиняя Бессу, затем Мартина и Рустика. Этот Рустик был эллино-галатом по происхождению. В войске он находился не в качестве стратига или таксирха и вообще не имел никакой военной должности. Он был только одним из служащих императорского казначейства, притом не того Ведомства,

⁸ Центром Лазики являлся город на р. Техури, грандиозные развалины которого под названием Нокалахеви, сохранились до наших дней; греко-римляне называли его Археополь, а коренное население — Цихе-Гожди. Археополь находился на расстоянии одного дня пути от Мухирисия. P. r o s o p. Bell. Goth. 4, 14.